

Международное и внутригосударственное право

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ НОРМ

П.Н. Бирюков*

Как известно, в УК РСФСР 1960 года существовало лишь несколько норм, затрагивающих международные обязательства нашего государства. В Общей части — ст. 4 и 5 (действие кодекса в отношении деяний, совершенных на территории РСФСР и совершенных вне пределов РСФСР). Нормы об ответственности за международные преступные деяния — ст. 67 (террористический акт против представителя иностранного государства), ст. 84 (нарушение правил международных полетов) и др. — были “разбросаны” по отдельным главам Особенной части и охватывали далеко не все “международные” составы преступления.

С принятием нового УК законодательное регулирование проблем ответственности за международные правонарушения существенно усовершенствовалось.

Кодекс содержит несколько десятков норм, свидетельствующих о том, что законодатель учел международные обязательства РФ в сфере борьбы с преступностью, причем нормы уголовного закона зачастую текстуально воспроизводят положения конвенций, устанавливающих “международные” составы преступлений (ст. 205, 206, 211, 220, 221 и др.).

Приведены в более полное соответствие с международными договорами статьи кодекса, определяющие правила осуществления юрисдикции РФ в отношении преступлений, совершенных за пределами РФ (ст. 12), предусматривающие ответственность за преступления против лиц или учреждений, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Установлена ответственность за такие ранее не известные законодательству, но предусматриваемые международными договорами деяния, как легализация (отмывание) денежных средств или иного

*Доцент Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174), пиратство (ст. 227), геноцид (ст. 357), экоцид (ст. 358), наемничество (ст. 359) и др.

Новый УК содержит также прямые отсылки к международным договорам, в которых определяются уголовно наказуемые деяния: ст. 271 (нарушение правил международных полетов); ст. 355 (производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ); ст. 356 (применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ, а также применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ); ст. 360 (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Иными словами, диспозиции указанных уголовно-правовых норм зафиксированы в международных договорах РФ.

Включена в УК и норма о выдаче преступников (ст. 13), что также можно занести в актив российской правовой системы, хотя, на мой взгляд, уместнее норма о выдаче смотрелась бы в УПК РФ.

Таким образом, разработчиками Кодекса проделана серьезная работа по устранению пробелов в уголовном законодательстве РФ, гармонизации его с международными обязательствами нашего государства.

Однако остались и нерешенные проблемы. Одна из них — это проблема коллизий международных и уголовно-правовых норм.

Известно, что многие международные договоры определяют не только формы и способы сотрудничества в борьбе с преступностью, но и перечень преступных с точки зрения международного права деяний, причем “международные” составы преступлений зачастую шире, чем предусматриваемые УК¹.

В результате перед сотрудниками правоохранительных органов возникает вопрос: необходимо ли при определении состава преступления руководствоваться международными договорами, в которых участвует РФ?

Статья 1 УК подчеркивает, что уголовное законодательство РФ состоит из “настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права”. Иными словами, “преступность деяния, а также его наказуемость... определяются только настоящим Кодексом” (ст. 3 УК).

Отсылка типа “если международным договором РФ установлены иные правила, чем настоящим Кодексом, действуют правила международного договора” в УК отсутствует.

Вместе с тем следует учитывать, что общая отсылка к международным договорам зафиксирована в Конституции РФ (ч. 4, ст. 15): “Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора”.

Статья 5 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” 1995 года дополняет конституционную норму: “Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты”².

Нормы аналогичного содержания содержатся во многих актах российского законодательства, в том числе в такой традиционно “невосприимчивой” к международному праву отрасли, как уголовно-исполнительное право (ст. 3 УИК РФ).

Подтверждает правило о приоритете международных договоров и ст. 3 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации” 1996 года: единство судебной системы РФ обеспечивается путем “применения всеми судами... общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации... принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу” (ст. 5 закона)³.

Прямо ориентирует суды на применение международных договоров, в том числе при рассмотрении уголовных дел, и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. “О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” (п. 5): “Суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации”⁴.

На мой взгляд, коллизии международных норм и уголовного законодательства РФ необходимо решать следующим образом: нормы

международных договоров, предназначенные для прямого действия в РФ, либо договоров, согласие на которые дано в форме закона (о ратификации, присоединении к договору), должны непосредственно регулировать уголовные правоотношения. Нормы договоров, которые реализуются с помощью российского права, служат основанием для приведения законодательства в соответствие с международными договорами.

Другая проблема, не до конца решенная в Кодексе, — уголовная ответственность иностранных граждан.

Согласно ст. 11 УК, иностранный гражданин, совершивший преступление на территории РФ, подлежит уголовной ответственности по УК РФ. Иными словами, за преступления на территории РФ иностранцы, не обладающие иммунитетом от юрисдикции РФ, несут ответственность по российскому уголовному законодательству.

Однако из этого правила имеются исключения, предусматриваемые международными договорами. На основании двусторонних соглашений о мореплавании, торговле и судоходстве (у РФ их несколько десятков), а также по некоторым консульским конвенциям в случае совершения преступления на иностранном торговом судне, находящемся в территориальном море или внутренних водах РФ, наше государство будет осуществлять свою юрисдикцию в отношении иностранных граждан, если последствия преступления распространяются на прибрежное государство, если просит о помощи капитан судна или консульское должностное лицо, если преступление связано с наркотиками.

Далее. В соответствии с ч. 3, ст. 12 УК иностранцы, не проживающие постоянно в РФ и совершившие преступление вне пределов РФ, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов РФ, и в случаях, предусмотренных международным договором РФ.

Логика законодателя, разделившего иностранных граждан на проживающих в РФ постоянно и не проживающих постоянно, не вполне понятна. Не ясно, нужно ли привлекать к ответственности постоянно проживающего в РФ иностранца, совершившего преступление за рубежом.

Не раскрыто содержание и понятия “иностранный гражданин, постоянно проживающий в РФ”. Между тем в административном праве оно означает лицо, которому выдан вид на жительство. В финансовом праве под данным субъектом понимается лицо, проживающее на территории РФ более 183 дней в календарном году.

На мой взгляд, никакой разницы в отношении привлечения к ответственности в РФ между постоянно проживающими и непостоянно проживающими иностранцами нет и быть не должно. За преступления, совершенные вне пределов территории РФ, иностранные

граждане подлежат ответственности в случаях, предусмотренных международными договорами РФ, независимо от времени проживания в РФ. Иное нарушало бы принцип равенства всех перед законом.

Преступлениями, влекущими ответственность иностранцев, в этих случаях являются международные преступления (планирование и ведение агрессивной войны, геноцид, наемничество и т.д.), преступления международного характера (захват заложников, захват воздушных судов и др.) и общеуголовные преступления, если возможность привлечения к ответственности за их совершение предусмотрена международными договорами (о сотрудничестве в борьбе с преступностью и правовой помощи по уголовным делам).

Третья проблема — проблема уголовно-правового значения в РФ иностранной судимости.

Статья 3 УК РФ подчеркивает, что уголовно-правовые последствия преступления (в том числе судимость) “определяются только настоящим Кодексом”. Между тем наше государство является участником нескольких десятков международных соглашений, согласно которым приговоры иностранных судов в РФ признаются, как если бы они были вынесены российскими судами (ст. 11 Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, 1978 года, ст. 6 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осужденных для отбывания наказания 1993 г. и др.).

Иначе говоря, при установлении фактов рецидива (ст. 18 УК РФ) и повторности как квалифицирующего признака состава преступления или отягчающего обстоятельства (ст. 63 УК) должно приниматься во внимание осуждение лица судом иностранного государства, с которым у РФ имеется соответствующий международный договор, при условии, что приговор иностранного суда вступил в законную силу и лицо осуждено за деяния, которые в соответствии с законодательством обеих сторон являются преступлениями.

Несколько слов о соответствии отдельных составов преступления международным обязательствам нашего государства.

I. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК)

Термин “агрессивная война” в УК не расшифровывается; мы имеем прямую отсылку к соответствующим международным нормам. Между тем в международном праве отсутствует конвенционное определение агрессии (Конвенция об определении агрессии 1933 г. в силу не вступила). В резолюции ГА ООН “Определение агрессии” от 14 декабря 1974 г.⁵ под агрессией понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной

неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным способом, не совместимым с Уставом ООН. Резолюцией также установлен перечень действий, квалифицируемых в качестве актов агрессии.

Международно-правовая ответственность государства-агрессора за нарушение мира и безопасности дополняется мерами ответственности физических лиц за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. При этом различают две группы субъектов данного преступления:

1) главные военные преступники (главы государств, политики, военные и т.п.), которые несут ответственность как за свои преступления, так и за преступления рядовых исполнителей;

2) непосредственные исполнители преступлений, выполняющие преступные приказы или совершающие данные преступления по своей инициативе.

В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения А.В. Наумова, согласно которой субъектом преступления по ст. 353 является «лицо, занимающее высшую государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации» (делается ссылка на Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» 1995 г.)⁶.

«Лицо, занимающее высшую государственную должность субъекта РФ» — это, очевидно, президент республики в составе РФ и глава органа законодательной власти субъектов РФ. Однако следует принимать во внимание, что:

1. Закон об основах государственной службы в РФ (ст. 1)⁷ использует термин «государственная должность категории «А»», а не «высшая государственная должность».

2. По закону, «должности категории «А» в субъекте Федерации — это должности руководителей законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации.

3. Если руководствоваться определением А.В. Наумова, можно прийти к выводу, что лица, не занимающие «высших государственных должностей Российской Федерации или субъекта Российской Федерации» (скажем, начальник Генштаба, главкомы родов войск и др.), не могут являться субъектом данного преступления.

4. Наконец, непонятно, почему речь идет только о лицах, занимающих должности в Российской Федерации. Разве руководители иностранных государств, развязавшие агрессивную войну, не будут являться субъектами преступления по УК РФ?

Субъектами преступления по ст. 353 УК, по моему мнению, могут быть главы государств, правительств, должностные лица государств, в чьей компетенции находится применение вооруженных сил.

II. Применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ)

По УК объективная сторона данного преступления выражается: в жестоком обращении с военнопленными или гражданским населением, депортации гражданского населения, разграблении национального имущества на оккупированной территории, применении в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации (ч. 1, ст. 356), и

в применении оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ч. 2, ст. 356).

На мой взгляд, объективная сторона деяния в ст. 356 сформулирована не совсем точно.

1. В международном праве под средствами ведения войны понимаются оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами в войне для нанесения вреда и поражения противника. Методы ведения войны — это способы применения средств войны. Поэтому применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ (ч. 1, ст. 356), включает в себя и применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ (ч. 2, ст. 356).

2. Применение средств и методов ведения войны регулируется не только международными договорами, но и другими источниками международного права, в частности “обычаями войны”.

3. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории образуют объективную сторону сразу нескольких “международных” составов преступления: применение запрещенных методов ведения войны; военные преступления; преступления против человечности.

4. Ответственность за деяние по ст. 356 установлена с 16 лет (ст. 20 УК РФ), но реально, видимо, виновные лица могут привлекаться к ответственности с 18 лет.

III. Наемничество (ст. 359)

Согласно ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 года⁸, наемник — это лицо, которое:

специально принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду. При этом материальное вознаграждение должно существенно превышать вознаграждение, выплачиваемое комбатантам того же ранга и функций, входящим в состав вооруженных сил данной стороны. Форма вознаграждения может быть различной (регулярные или разовые выплаты, скажем, за каждого убитого и т.п.);

не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

не послано государством, не являющимся воюющей стороной, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав вооруженных сил. Этим наемники отличаются от военных советников, направленных на службу в иностранную армию по специальному соглашению между государствами и не принимающих непосредственного участия в военных действиях.

Согласно Конвенции о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников 1989 года (РФ пока не ратифицирована), к наемникам следует относить не только лиц, непосредственно участвующих в вооруженных конфликтах, но и лиц, завербованных для участия в заранее запланированных актах насилия, направленных на свержение правительства какого-либо государства, подрыв его конституционного порядка или нарушение его территориальной целостности и неприкосновенности. Преступными признаются также действия лиц, осуществляющих вербовку, использование, финансирование и обучение наемников, а также покушение и соучастие в такого рода действиях.

Уголовным кодексом РФ признаны преступными: вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях; участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

Как видим, по объективной стороне норма ст. 359 УК шире, чем положения Дополнительного протокола I, но соответствует Конвенции 1989 года, поэтому после ратификации Российской Федерацией Конвенции не возникнет необходимости вносить изменения в УК.

В примечании к ст. 359 УК дается определение понятия "наемник". Им признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Понятие "наемник" по российскому законодательству несколько уже, чем в международном праве. Вместе с тем очевидно, что в случае коллизии необходимо руководствоваться международными нормами.

IV. “Отмывание” доходов, полученных от преступной деятельности (ст. 174 УК)

Как известно, Российская Федерация участвует во многих договорах, предусматривающих комплекс мер по пресечению “отмывания” преступных доходов. В их числе — Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, договоры о правовой помощи по уголовным делам и др. В Федеральном Собрании РФ рассматривается вопрос о ратификации Конвенции Совета Европы об “отмывании”, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года.

Согласно Конвенции (ст. 1), “доходы” означают любую экономическую выгоду, полученную в результате совершения преступления. Под “материальными ценностями” понимаются материальные ценности любого вида, вещественные или невещественные, движимые или недвижимые, а также юридические акты или документы, дающие право на имущество.

Конвенция (ст. 6) также дает определение преступлений по незаконному отмыванию доходов. “Каждая Сторона принимает законодательные и прочие необходимые меры, чтобы квалифицировать как уголовное право нарушение в соответствии со своим внутренним правом, когда действие было совершено умышленно:

а) конверсию или передачу материальных ценностей, о которых тот, кто этим занимается, знает, что эти материальные ценности составляют доход от преступления, с целью скрыть незаконное происхождение вышеназванных материальных ценностей или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного правонарушения, избежать юридических последствий этих деяний;

б) утаивание или искажение природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей или соотносимых с ними прав, когда нарушителю известно, что эти материальные ценности получены преступным путем, и на условии своих конституционных принципов и основных концептов своей юридической системы;

с) приобретение, владение или использование материальных ценностей, о которых тот, кто их приобретает, или владеет, или пользуется, знает в момент их получения, что они являются доходами, добытыми преступным путем;

д) участие в одном из правонарушений, определенных в соответствии с настоящей статьей, или в любой ассоциации, союзе, покушении или участии путем оказания содействия, помощи или совета с целью его совершения”.

Как видим, в ст. 174 УК не признаны преступными некоторые действия, перечисленные Конвенцией (конверсия материальных

ценностей с целью помочь иному лицу избежать юридических последствий деяния; утаивание или искажение природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей или соотносимых прав, когда правонарушителю известно о незаконном источнике их происхождения; использование третьими лицами ценностей, добытых преступным путем).

Кроме того, в ст. 174 используется понятие “денежные средства и иное имущество”, однако его содержание не раскрывается. Между тем в ст. 128 ГК РФ под имуществом понимаются “вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права”. Статья 128 устанавливает более широкий перечень объектов гражданских прав, которые в принципе могут использоваться для “отмывания” доходов, чем Конвенция. В число таких объектов помимо “имущества” входят: работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Иными словами, легализация преступных доходов не в форме “денежных средств и иного имущества”, а в виде, скажем, права на использование интеллектуальной собственности, информации или в виде услуг диспозицией ст. 174 УК РФ не охватывается. Зафиксированное же Конвенцией 1990 года понятие “и соотносимые права”, по моему мнению, охватывает все возможные способы легализации преступных доходов.

V. Пиратство (ст. 227)

В соответствии со ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ратифицирована РФ в 1997 г.) в качестве пиратства рассматриваются:

“а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемые с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

с) подстрекательство или содействие вышеуказанным деяниям”.

В российском законодательстве пиратством признается нападение

на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. Формулировка состава пиратства в ст. 227, по моему мнению, уже, чем в Конвенции.

1. Ответственность по ст. 227 распространяется лишь на случаи нападения на морские и речные суда. По Конвенции должны рассматриваться в качестве пиратских и нападения на летательные аппараты, например самолеты-амфибии.

2. Не охватывается диспозицией ст. 227 УК (нападение на судно) и "любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом" (п. "в" ст. 101 Конвенции).

3. Необоснованно в качестве элемента субъективной стороны указана специальная цель — завладение чужим имуществом. По логике законодателя получается, что, скажем, нападение на судно с другими целями (похищение людей, сокрытие следов преступления и т.п.) не образует состава пиратства. Между тем в Конвенции пиратство характеризуется как "любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемые с личными целями".

Таким образом, норма ст. 227 УК нуждается в совершенствовании, приведении в соответствие с международными обязательствами РФ.

VI. Незаконные силы, направленные против безопасности морского судоходства

Согласно ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 года (нашим государством подписана, но пока не ратифицирована), "любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно):

a) захватывает судно или осуществляет контроль над ним посредством применения силы, угрозы силой или иной формы запугивания;

b) совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию судна;

c) разрушает судно или наносит повреждение, которое может угрожать его безопасному плаванию;

d) помещает на борт судна (или совершает действия с этой целью) устройство или вещество, которые могут разрушить судно, нанести повреждения, которые угрожают или могут угрожать его безопасному плаванию;

е) разрушает морское навигационное оборудование, наносит ему серьезное повреждение или создает серьезные помехи его эксплуатации, если это может угрожать безопасному плаванию судна;

ф) сообщает заведомо ложные сведения, создавая угрозу безопасному плаванию судна;

г) наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений, указанных в подпунктах "а"—"ф".

Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 года содержит аналогичные правила в отношении деяний, совершенных на борту или против стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе.

Нормы об ответственности за незаконные акты, направленные против безопасности морского судоходства, не нашли должного отражения в российском уголовном законодательстве. Относительно этих деяний в УК отсутствует норма, аналогичная закрепленной в ст. 211. Уголовная ответственность за захват морского или речного судна или осуществление контроля над ним посредством применения силы, угрозы силой или иной формы запугивания без цели осуществления акта пиратства в РФ не предусмотрена.

Применительно к пунктам с—е ст. 3 Конвенции 1988 года могут быть использованы положения ст. 267 УК.

VII. Незаконные действия с радиоактивными материалами

В новом УК декриминализованы ряд деяний, предусматриваемых Конвенцией и ранее ст. 223.4 УК 1960 года (угроза совершить хищение радиоактивных материалов в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица совершить какое-либо действие или воздержаться от него, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, а также угроза использовать радиоактивные материалы с целью повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы).

Между тем, согласно Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 года⁹, преступлениями признаны не только получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление ядерного материала без разрешения компетентных органов, но и "требование путем угрозы силой или применения силы или с помощью какой-либо другой формы запугивания о выдаче ядерного материала; угроза использовать ядерный материал с целью повлечь смерть любого лица или причинить ему серьезное увечье или значительный ущерб собственности,

или совершить хищение ядерного материала с целью вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него”.

Подытоживая изложенное, можно констатировать: новый УК в большей степени соответствует международным договорам, нежели УК РСФСР 1960 года. Значительное число статей нового УК предусматривает возможность непосредственного применения международно-правовых норм в сфере действия уголовного закона. Вместе с тем предстоит проделать еще значительную работу по приведению норм УК в полное соответствие с международными обязательствами РФ.

Разумеется, в небольшой по объему статье не могли быть освещены все “международно-правовые” аспекты нового УК; затронуты лишь вопросы, представляющие наибольший интерес.

¹ Подробнее см. *Бирюков П.Н.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. — Воронеж, 1997.

² *Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ)*. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.

³ *СЗ РФ*. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

⁴ *Бюллетень Верховного Суда РФ*. — 1996. — № 1.

⁵ Резолюция не является международным договором, она лишь подтверждает существующие общепризнанные обычные нормы международного права (см. *Международное право в документах/Сост. Н.Т. Блатова*. — М., 1996. — С. 671—675).

⁶ *Уголовное право России. Особенная часть/Под ред. А.А. Рапога*. — М., 1996. — С. 462.

⁷ *СЗ РФ*. — 1995. — № 31. — Ст. 2990.

⁸ *Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов*. — М., 1990. — С. 540—647.

⁹ *Сборник международных договоров СССР*. — Вып. XLIII. — С. 105—109.

г. Воронеж

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.